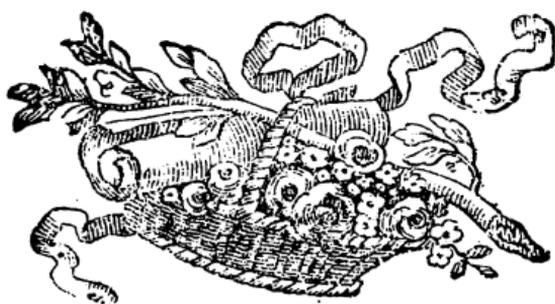

И П П О К Р Е Н А,
ИЛИ
УТѢХИ ЛЮБОСЛОВІЯ,
на 1800 годѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

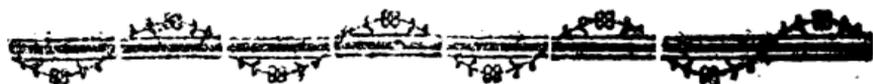
нѣтъ

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА.

Изданіемъ Христофора Клаудія.
ВЪ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія.

26.

КРАСОТЫ СТЕРНА (*).

Переводъ съ Англинскаго

*Д*** Д***.*

УЧИТЕЛЬ.

Видите, сказалъ бапюшка, обра-
щая свою рѣчь къ дядѣ моему
Товію и къ *Торіку*, ужь очень,
очень пора взять это юное суще-
ство изъ рукъ женщинъ, и отдать
особому смотрителю.

(*) Переводчикъ, отдавая сіи первые опыты
своего перевода съ Англинскаго подлинника,
желаетъ знать, какъ они будутъ приня-
ты Публикою, чѣмобъ послѣ посвятить
ей и цѣлую книгу подъ симъ заглаві-
емъ, въ которой помѣщены будутъ изъ-
идѣвшія произведенія пера сего Автора,
чтобъ справедливо прославились оплич-
но характерическимъ и чувствительнымъ

Я такъ сужу. Особа, приспавленная къ моему сыну, должна бытъ какъ зеркало, въ которое бы онъ смѣтрѣлся съ утра до вечера, и сообразовалъ съ нимъ свои взоры, свои ухвапки — а можетъ бытъ и самыя скрышныя чувствованія своего сердца. — Желалъ бы я, *Торикъ!* естъли можно, имѣть это зеркало такъ выполи- рованное во всѣхъ почкахъ, чтобъ сыну моему въ него смотрѣться.

Есть, продолжалъ бапюшка, какая-то мина, движеніе тѣла и всѣхъ его частей въ поступкахъ и разговорахъ, которыя показываютъ *Добраго, тѣснаго теловка*. Есть тысячи непримѣтныхъ отверстій, продолжалъ бапюшка, сквозь которыя пронцапельный взоръ доспи-

слогомъ — На Рускомъ языкѣ до сихъ поръ имѣемъ мы его только нѣкоторыя оипѣнки, и больше переводы съ переводовъ — а тѣмъ самымъ много перьяемъ въ познаніи истинныхъ красотъ оригинала. — За себя ручаюсь не лъзя. Знаюкамъ предоставляется сличить предлагаемый переводъ съ подлинникомъ, и дать тогда свой надле- жащій судъ.

гаешь въ сердце челоуѣка; — дядя такъ держу, примолвилъ онъ, чую умной челоуѣкъ не можетъ положить своей шляпы вшедши въ комнату, и взять ее выходя спину да, чтобъ не выказалось нѣчто такое, что откроешь, каковъ онъ.

Я хочу, продолжалъ бапюшка, чтобъ онъ былъ веселонравенъ, привѣшливъ, забавенъ; но при томъ благо-разуменъ, внимателенъ къ своимъ дѣламъ, бодръ, остеръ, прозорливъ, изобрѣшашеленъ, скоръ рѣшить сомнѣнiя и трудные умозришель-ные вопросы — уменъ, смышленъ и ученъ. — А для чего жь бы не крошкѣ, умѣренъ, тихъ и добръ? сказалъ *Торикъ*. — А для чего жь бы, вскричалъ дядя мой *Товий*, не былъ онъ открытъ, великодушенъ, благо-дѣшеленъ, и храбръ? —

Онъ будетъ шаковъ, любезной мой *Товий*! отвѣчалъ бапюшка привставши и потрясши его за руку. — Когда такъ, братецъ *Шенди*, отвѣчалъ дядя мой *Товий*, приподнимаясь со спула, и положивъ трубку свою, чтобъ

бапюшку взять за другую руку — по здѣлай милость, позволь представить шебѣ для этого сына бѣднаго Лефевра! — Свѣтлая слеза радости — какъ бриліантъ первой воды — засверкала въ глазѣ у дяди моего *Товія*, а другая послѣдовала за нею у Капрала, когда эпо предложение здѣлано. Отъ чего? . . . Вы увидите, когда прочтете повѣсть объ Лефеврѣ.

Повѣсть объ Лефеврѣ.

Нѣкогда лѣпомѣ того самаго года, какъ *Дендермондъ* взять союзниками, дядя мой *Товій* ввечеру кушалъ свой ужинѣ, а *Триль* сидѣлъ позади его на косякѣ окошка — я говорю сидѣлъ — по тому что по причинѣ раненаго Капрадова колѣна, которое иногда причинило ему жестокія боли, дядя мой *Товій*, когда одинѣ обѣдалъ или ужиналъ, никогда не хотѣлъ терпѣшь, чтобъ Капралъ споялъ: но почтение сего добраго подчиненнаго къ своему начальнику было такъ велико, что съ надлежащею артилерією

дядя мой *Товий* скорбе одинъ бы могъ взять *Дендермондъ*, нежели склонилъ его на эпомъ пунктъ; ибо иногда дядя мой *Товий*, думая, что Капраль далъ облегченіе ногъ своей, оглянешя бывало назадъ, и всегда найдеть его за своимъ спуломъ во всей почтительной формѣ, выпянувшись; это причиняло между ими больше размолвки, нежели всѣ другія причины черезъ двадцать пять лѣтъ сряду. — да это вишь ни съо, ни то! — Къ чему жъ я упоминаю? . . . Спросише у моего пера; оно править мною, а не я имъ. —

И такъ ввечеру дядя мой *Товий* сидѣлъ за своимъ ужиномъ — какъ вдругъ хозяинъ нашего малаго сельскаго шракшира вошелъ въ горницу съ порожнею флягою въ рукѣ, и просилъ дать одинъ или два стакана столоваго вина. „Это для бѣднаго *Дворянина* — кажется для армейскаго; онъ занемогъ у меня въ домъ, тому ужъ четвертый день, и съ тѣхъ поръ не поднималъ головы съ постели, и ничего даже не

хотѣлъ кушашь, а шеперь захопѣлось ему, попросить спакань вина и штоненькой ломшикь изжаренаго хлѣба. — *Я думаю*, молвилъ онь, проводя рукою по лбу, *это подкрѣпитъ меня.*

Ежелибъ я не могъ нигдѣ выпресишь, занять, или купишь чего такого — прибавилъ хозяинь практира — я бы рѣшился даже украсишь для этого бѣднаго Дворянина — такъ онь боленъ! но Богъ милосивъ! . . . я надѣюсь. . . онь выздоровѣетъ, продолжалъ онь — мы всѣ обь немъ сокрушаемся, —

Ты самой доброй человекъ, хотъ побожись! вскричалъ дядя мой *Товий*; — выней же сперва самъ спакань вина за здоровье бѣднаго Дворянина, — по шомъ отнеси ему двѣ бутылки, представъ ему мои услуги, и скажи, что цѣлая дюжина для него гопова, ежели только это ему поможетъ. —

Хотя я и увѣренъ, сказалъ дядя мой *Товий* — какъ практирщикъ зашворилъ дверь — что онь малой очень жадоспливой — однако,

Тримъ! — не лзя мнѣ не имѣть высокаго мнѣнія объ его постоаяльцѣ — должно бышь въ немъ чему нибудь необыкновенному, чшобъ такъ скоро пріобрѣсть состраданіе пракширщика — И всей его семьи, прибавилъ Капралъ — пошому что они все объ немъ сокрушаются. „Воропи его! сказалъ дядя мой *Товій*. — Поди, *Тримъ!* и спроси, какъ его зовушь? „

Я право забылъ, сказалъ пракширщикъ, входя опять въ горницу съ Капраломъ, но могу и въ другой разъ спросить объ эшомъ его сына. — „Развѣ и сынъ есь при немъ? сказалъ дядя мой *Товій*. — „Да, сударь, мальчикъ одинадцати либо двенадцати лѣтъ, отвѣчалъ пракширщикъ; но бѣдняжка сполькоже бѣлъ, какъ и отецъ: онъ безпрестанно вздыхаетъ и плачетъ объ немъ; и вотъ ужъ два дни, какъ не опходишь отъ его постели. „ —

Дядя мой *Товій* положилъ ножикъ и вилку — онъ оподвинулъ шарелку, слушая пракширщика; а *Тримъ*, не дожидаясь приказу при-

нялъ ее молча, и черезъ нѣсколько минушъ подалъ ему трубку и табакъ. —

Тримъ! я имѣю въ головѣ проэктъ, сказалъ дядя мой *Товій*, — какъ эшотъ вечеръ погода дурна, но я закушаюсь пошеплѣе въ свой плащъ, и схожу посѣпшишь бѣднаго Дворянина,, — „Ваше Благородіе не надѣвали своего плаща ни одинъ разъ, отвѣчалъ Капралъ, съ той самой ночи, какъ Ваше Благородіе получили рану, стоя на караулѣ въ траншеяхъ передъ воротами Св. Николая; дакъ помужъ ночь такъ холодна и сыра, что въ эшакомъ плащѣ и при эшакой погодѣ можете жестоко простудиться, Ваше Благородіе, и подновить боль въ бедрѣ Вашего Благородія,, — „Эшого и самъ я боюсь,, отвѣчалъ дядя мой *Товій* — однакъъ не могу быть спокоенъ духомъ, *Тримъ*, съ тѣхъ поръ, какъ практирщикъ пересказалъ миѣ все эшо. Я бы хотѣлъ не знать столько объ эшотъ дѣлѣ — примолвилъ дядя мой *Товій* — или знашь гораздо больше. — Какъ бы намъ съ эшѣмъ

сладить, *Тримъ!*, Положитесь, коли угодно Вашему Благородію, на меня, отвѣчалъ Капралъ — я возьму свою палку и шляпу, пойду къ прапиршику, рекогносцирую, поступлю, какъ слѣдуетъ, и черезъ часъ отдамъ Вашему Благородію полной рапортъ. —

„Сступай, *Тримъ!* сказалъ дядя мой *Товій* — и вотъ тебѣ шиллингъ, поощривать его слугу. — „Онъ него я все узнаю, отвѣчалъ Капралъ зашворяя дверь.

Еще дядя мой *Товій* не вытряхнулъ огарковъ изъ прешней своей трубки, какъ Капралъ *Тримъ* возвратился и далъ ему слѣдующій отчетъ:

Сперва отчаялся-было я, сказалъ Капралъ. принесеть Вашему Благородію какое нибудь извѣстіе о бѣдномъ Порупчикѣ, — Такъ онъ изъ армейскихъ? спросилъ дядя мой *Товій*? „Да, Ваше Благородіе, отвѣчалъ Капралъ — Котораго полку? спросилъ далѣе *Товій*., — Я все расскажу Вашему Благородію поголовно, — Ну, *Тримъ!* такъ я набью себѣ еще труб-

ку, сказалъ дядя мой *Товій*, и не буду перерывать твоей рѣчи, пока ты не кончишь. Садись повыгоднѣй на косякъ, *Тримъ*, и расскажи-ка съ изнова. — Капралъ здѣлалъ свой шаринной поклонъ, коперой извѣснилъ сколько, сколько поклонъ извѣснить можешъ: *много милости, Ваше Благородіе!* — и сѣвши, какъ въ приказѣ ошдано, онъ началъ рассказывать дядѣ моему *Товію* почини въ такихъ словахъ:

Сперва ошчаялся-было я принесть Вашему Благородію какое нибудь извѣстіе о бѣдномъ Порупчикѣ и его сынѣ. Пошому что какъ спросилъ я, гдѣ его слуга, ошъ копораю надѣялся развѣдать обо всемъ, о чемъ только развѣдывать годится, — Самое справедливое замѣчаніе, *Тримъ!* подхватилъ дядя мой *Товій* — по мнѣ ошвѣчали, Ваше Благородіе, что при немъ нѣтъ слуги; что онъ пріѣхалъ на наемныхъ лошадяхъ, и не могли ѣхать далѣе (видно, чтообъ догнать свой полкъ) онъ оппустилъ ихъ на другой день послѣ своего пріѣзду, —

Когда мнѣ будешь легче, душинька!... сказалъ онѣ своему сыну, отдавая кошелекъ, чѣшбъ заплакишь изво-щнику — шо мы можемъ и здѣшъ нанять лошадей; — но Богъ вѣсшь! выйдешь ли отсюда бѣдной Офицеръ! сказала мнѣ вздохнувши хозяйка — цѣлую ночь слышала я въ стѣнѣ зловѣщіе стукальцы (*), и ежели онѣ умретъ, шо это бѣденекое дитя, сынъ его, пойдетъ за нимъ во гробъ; шо тому чшо сердце его и такъ уже сокрусилось.

Какъ я слушалъ ея рѣчь, продолжалъ Капралъ, мальчикъ вошелъ въ кухню, приказавъ изжарить ломшикъ хлѣба, о которомъ сказывалъ шрактирщикъ. „Да только я самъ его изжарю — сказалъ онѣ. Пожалуйте, баринъ сударикъ, позвольте мнѣ васъ избавить отъ этого труда, сказалъ я, взявши вилку для этого дѣла, и придви-

(*) Есть насѣкомое шестиногое, называемое *стѣноточецъ*, которое грызучи дерево въ стѣнѣ стучитъ на подобіе карманныхъ часовъ. Женщины имѣютъ привычку на всемъ загадывать.

нулъ ему мой стулъ, чтобъ сѣлъ онъ у огня, пока я буду спрѣпашь.» — Я думаю, сударь, ошибчалъ онъ очень скромно, что я лучше угожу на его вкусъ. Повѣрьте, продолжалъ я, Его Благородію не покажется онъ хуже отъ того, что будетъ изжаренъ спарымъ солдатомъ, — Милсе дѣшя взялъ меня за руку, и вдругъ залился слезами. — Бѣдненькой! сказалъ дядя мой *Товій*, съ съ младенчества воспитанъ въ арміи, и имя солдата, *Тримъ*! опозвалось въ его сердце, какъ имя друга! — Хотѣлъ бы я, чтобъ онъ былъ здѣсь, —

„Никогда послѣ самаго большаго маршу, продолжалъ Капралъ, сполько не хотѣлось мнѣ ъспѣть, какъ плакать съ нимъ въ эту минуту, — Что бы этому за причина, Ваше Благородіе? — Ничего, *Тримъ*, сказалъ дядя мой *Товій* упираясь, кромѣ того, что ты самой добросердечной человекъ.

Когда я отдалъ ему изжареной ломтикъ, продолжалъ Капралъ, то счелъ, что къ сташи увѣдомить

его, что я слуга Капитана *Шенди*, что Ваше Благородіе (хотя и не знакомы) берете великое участіе въ состояніи его бабюшки: и ежели есть что въ вашемъ домѣ, въ вашемъ погребѣ — (ты бы могъ прибавишь также и въ моемъ кошелькѣ, сказалъ дядя мой *Товий*) то все это сердечно къ его услугамъ. „Онъ здѣлалъ мнѣ очень низкой поклонъ (которой относился къ Вашему Благородію) и ни слова не отвѣчалъ — такъ сердце его было стѣснено — и пошелъ вверхъ съ поджаренымъ хлѣбомъ. — Вы увидите, баринъ сударикъ! . . . сказалъ я отворяя ему дверь изъ кухни, что бабюшкѣ вашему будетъ легче.

Викарій Г. *Торика* курилъ трубку у очага, но онъ не молвилъ ни одного ни добраго ни худшаго слова въ утѣшеніе бѣдному дышяши. Я подумалъ, что это очень дурно, прибавилъ Капралъ — И я такъ думаю, отвѣчалъ дядя мой *Товий*.

Какъ Поручикъ вынулъ снажанъ вина и скушалъ свой хлѣбъ, то почувствовалъ себя немножко

лучше, и прислалъ въ кухню ска-
зать, что ежели угодно мнѣ войши
чрезъ 10 минутъ, то онъ съ удо-
вольствіемъ меня приметъ. — „Я
чаю, сказалъ прахширичикъ, онъ
спанеишь молишься, пошому, что
книжка лежишь на стулѣ возлѣ его
кровати, и я припворя дверь ви-
дѣлъ, какъ сынъ его бралъ подуш-
ку подъ колѣни. —

Я думаю, Г. *Триль*, сказалъ
Викарій, вы господа армейскіе ни-
когда не молились? — Я своими уша-
ми вчерась слышала, какъ Поруп-
чикъ набожно молился, сказала хо-
зяйка; а чтобы и сама не повѣри-
ла. — Смотри, подлинно ли такъ?
подхватилъ Викарій — Ваше Благо-
словеніе, сказалъ я ему — солдатъ
молился такъ же по собственному
чувствованію, какъ и священникъ —
и когда онъ сражается за свое оче-
щество, за свою жизнь, за свою
честь; тогда имѣетъ болѣе причи-
ны молишься Богу, нежели кто
другой въ свѣтѣ. — Хорошо сказано,
Триль! воскликнулъ дядя мой *То-
вій* — когда, Ваше Благословеніе, сол-

дашѣ принужденѣ полсушокѣ про-
сноряшѣ въ праншеи, по колѣни въ
холодной водѣ — или нѣсколко
мѣсяцовѣ сряду бышѣ въ дальнихѣ
и опасныхѣ походахѣ — сего дня
можешѣ бышѣ преслѣдуемѣ самѣ —
завтра преслѣдуя другихѣ — наря-
женѣ сюда — онкокомандированѣ
туда — просыпаючи цѣлыя ночи
на кулакѣ — замерзанѣ во всѣхѣ со-
снавахѣ — не имѣя ни соломинки
въ палашкѣ, гдѣ бы приклонить го-
лову — но онѣ долженѣ молишѣся,
когда и какъ удачишѣ, — Я думаю,
сказалѣ я — по тому, что я дол-
женѣ былѣ вступитѣся за честь
арміи, прибавилѣ Капралѣ — я ду-
маю, Ваше Благословеніе, когда сол-
дашѣ имѣешѣ время молишѣся, но
онѣ молишѣся съ такимѣ же усер-
діемѣ, какѣ и священникѣ — хотя
съ меньшими нарядами и не съ та-
кимѣ наружнымѣ видомѣ. — Этого
не надобно было шибѣ говоритѣ, при-
молвилѣ дядя мой *Тосій* — потому
что единѣ Богѣ знаетѣ, гдѣ есть
лицемѣріе, и гдѣ его нѣшѣ! — На
великомѣ и главномѣ смолтрѣ, кошо-

рой здѣланъ будетъ всѣмъ намъ, Капраль — въ день суда (но не прежде) тамъ увидятъ, кто исполнялъ свою должностъ въ семъ свѣтѣ — кто нѣтъ — и тогда-то, *Тримъ!* мы будемъ повышены по заслугамъ, — Я надѣюсь на это, сказалъ *Тримъ*. — Это, братъ, написано въ Библии, оповѣчалъ дядя мой *Товий* — и я тебѣ завтра же покажу — между тѣмъ мы можемъ вѣрнѣе *Тримъ*, къ собственному нашему ободренію, сказалъ дядя мой *Товий*, что Всемогущій Богъ есть Благій и Праведный Правитель міра сего; и ежели мы исполняли въ немъ свои обязанности, то не будемъ спрашивать, въ какомъ мундирѣ мы это дѣлали, красномъ, горномъ (*)? Чай что не будемъ, сказалъ Капраль — Ну, давай, *Тримъ!* сказалъ дядя мой *Товий*.

(Окончаніе впереди)

(*) Примѣч. Цѣхойной мундирѣ въ Англіи красной, а духовные у нихъ одѣты въ черное платье.

КРАСОТЫ СТЕРНА,

Переводъ съ Англинскаго

*Д*** Т***.**(Окончаніе)*

Когда я взошелъ въ горницу къ Порупчику — продолжалъ Капраль, что было почто не прежде, какъ по прошествіи десяти минутъ: онъ лежалъ въ постель — головою склонясь на руку, облокотясь на подушку; возлѣ него положенъ бѣлой башистовой плашкѣ; — мальчикъ въ самое то время наклонясь поднималъ подушку, на копорой, думаю, споялъ онъ на колѣняхъ; — книжка лежала на постель — и когда онъ поднялся, взявъ подушку одною рукою, то въ тоже время пропянулъ другую, чтобъ принять книжку — оставъ ее здѣсь, милой мой! сказалъ Порупчикъ. —

Онъ не говорилъ мнѣ ни слова, пока не подошелъ я близко къ кровати,, — Ты служишь при Капитанѣ *Шенди*, сказалъ онъ; пожалуй, мой другъ, поблагодари своего Господина отъ меня и отъ моего дядяши за всю его благосклонность. — Не Левенсова ли онъ полку? спросилъ Поручикъ. — Я оповѣчалъ, что Ваше Благородіе почтенно Левенсова полку. — Такъ; я съ нимъ былъ въ трехъ кампаніяхъ во Фландріи, продолжалъ онъ, и его помню; — но видно, какъ я не имѣлъ чести быть съ нимъ знакомъ, то онъ меня совсѣмъ не знаетъ; — ты только однакожъ доложи ему, что тотъ, кого онъ одолжилъ своими благодѣяніями, есть Поручикъ *Лефевръ* Ангусова полку; но онъ меня не знаетъ... сказалъ въ другой разъ призадумавшись. — Спашенся, что онъ и слыхалъ чтонибудь обо мнѣ, продолжалъ онъ; я прошу тебя, скажи Капитану, что я тотъ бывший Прапорщикъ въ Бредѣ, кошораго жена была застрѣлена по несчастному случаю

изъ ружья, когда она спала со мною въ палаткѣ. — Помню и я, Ваше Благородіе, эту исторію, сказалъ я, — Ты помнишь! сказалъ онѣ, упирая слезы платкомъ; и я очень помню . . . и при сихъ словахъ вынулъ онѣ изъ за пазухи кольцо, повѣшенное на черной ленточкѣ около шеи: онѣ поцѣловалъ его два раза — поди сюда, *Билли!* сказалъ онѣ . . . Мальчикѣ подбѣжалъ къ кровати, и упавши на колѣни, взялъ колечко въ руки, поцѣловалъ его такъ же, какъ и онѣ, по томъ обнялъ своего отца, сѣлъ на поспелю, и началъ плакать. . .

„Хотѣлъ бы я, сказалъ дядя мой *Товій* глубоко вздыхая, хотѣлъ бы я лучше уснуть, *Тримъ!* „

„Это васъ слишкомъ трогаетъ, Ваше Благородіе! отвѣчалъ *Тримъ*. не прикажете ли Вашему Благородію налить стаканъ вина — къ пробкѣ? Хорошо, *Тримъ!* отвѣчалъ дядя мой *Товій*. —

Я помню, продолжалъ дядя мой *Товій* еще вздохнувши, приключе-
ніе Прапорщика и его жены — а осо-
бливо по тому, что обѣ немѣ и обѣ
ней, по шой ли или другой какой
причинѣ, не знаю, всѣ генерально
сожалѣли въ полку. — Но доканчи-
вай повѣсть, *Триль*! —

Она кончилась, сказалъ Ка-
пралъ; — мнѣ не лзя было долѣе
оспаиваться, и я пожелавъ доброй
ночи Его Благородію — пошелъ. — Мо-
лодой *Лефевръ* вспалъ, и посвѣшилъ
мнѣ до самаго низу лѣспницы, а меж-
ду шѣмъ какъ мы вмѣспѣ сходили,
онъ сказалъ, какъ они прѣехали изъ
Ирландіи, и хотѣли догнать свой
полкъ во *Фландріи*. — Охъ! ска-
залъ Капралъ — Порупчикъ прошелъ
ужъ весь свой маршъ. — Чшо жъ бу-
дешъ съ бѣднымъ его сыномъ? вскри-
чалъ дядя мой *Товій*? —

Къ вѣчному воспоминанію, къ
чеспи дяди моего *Товія*, онъ въ сію
минушу забылъ всѣ другія заботы,
и думалъ, какъ бы помочь бѣдному
Порупчику и его сыну. —

Существо, благодѣющее всѣмъ
 благопворащимъ, вознаградишь себя
 за сѣ! ...

„Ты кончилъ свое дѣло слиш-
 комъ коротко, сказалъ дядя мой
Говій Капралу, когда онъ клалъ его
 спать — и я тебѣ скажу почему,
Тримъ. ... Вопервыхъ, когда ты пред-
 ложилъ мои услуги *Лефевру*, ты
 зналъ, что болѣзнь и пробѣдъ сто-
 или ему денегъ; ты зналъ, что
 онъ только бѣдной Порупчикъ, ко-
 торый долженъ содержать однимъ
 лишь жалованьемъ себя и своего
 сына: — следовательно тебѣ бы мо-
 жно было предложить ему также
 и мой кошелекъ! ... Ты знаешь,
Тримъ! ежели есть ему нужда,
 то я бы съ радостію далъ пользо-
 ваться имъ точно какъ самому
 себѣ. — Ваше Благородіе вѣдомы,
 что этого не было въ приказѣ. —
 Правда, *Тримъ*! отвѣчалъ дядя мой
Говій, ты поступилъ хорошо, какъ
 солдатъ; но конечно худо, какъ
 ближній.

Вовперыхъ — въ чемъ ты шѣмъ же извиняешься можешь — когда ты предлагалъ ему все, что есть въ моемъ домѣ? — ты бы предложилъ ему шубъ же и мой домъ. — Нашъ брашъ, Офицеръ, долженъ имѣть всегда лучшую квартиру, *Триль!* — И если бы онъ былъ у насъ, мы бы всячески постарались его зберечь. — Ты же и самъ лучший дядька, *Триль!* и нѣсколько твоими попеченіями, и нашей старухи, и его сына, и моими шубъ же — мы бы могли его опять включить въ списокъ военнотружущихъ, и разомъ поставили бы на ноги! — —

И черезъ двѣ, или три недѣли, примолвилъ дядя мой *Товій* приятно усмѣхаясь, онъ бы былъ въ состояніи пуститься въ маршъ. — Ваше Благородіе! ужъ не дѣлать ему маршу на семь свѣшъ! — опвѣчалъ Капралъ. — Онъ будетъ его дѣлать, сказалъ дядя мой *Товій*, привставши съ краю своей кровати въ одномъ шуфлѣ. — Ему маршъ въ

могилу, Ваше Благородіе, отвѣчалъ Капралъ. — Онъ здѣлаеиъ маршъ! вскричалъ дядя мой *Товій*, топнувъ къ маршу ногою, на которой былъ шуфель, однакожъ не двинувшись съ мѣста — шакъ! онъ здѣлаеиъ маршъ къ своему полку. — Да онъ и спояиъ не сумеиъ, возразкаъ Капралъ. — Его поддержиуиъ, сказаъ дядя мой *Товій*. — Онъ ослабѣеиъ, прибавилъ Капралъ — и что будетъ съ его сыномъ? . . . Онъ не ослабѣеиъ, отвѣчалъ дядя мой *Товій* съ швердосию. — Эхъ! что говоришъ — сказаъ Капралъ швердосио въ своемъ пункшѣ; — сколькобъ мы ни спарались оба, эиоиъ бѣдной человекѣ умреиъ. — Клянусь Б***, не умреиъ онъ! вскричалъ дядя мой *Товій* . . . —

Ангелъ Обвинитель полетиъ съ сею клятвою въ великое присушствіе Небесъ, и отдавая ее покрашиъ; — но Ангелъ Примиришель записавъ сію клятву, урониъ слезу на слово, и изгладилъ его навѣки. —

— Дядя мой *Товій* пошелъ къ своему бюро, вынулъ кошелекъ, и положилъ его въ карманъ висящій съ часами — а по шомъ давъ Капралу приказъ, сходишь поушру рано за лѣкаремъ, легъ въ постель, и уснулъ. — —

Солнце всходило въ пріятномъ сіяніи для глазъ всѣхъ въ шомъ селеніи, кромѣ Лефевра и его сына. Рука Смертни опягопѣла навѣждахъ ихъ — и едва только колесо заскрипѣло на колодезѣ, какъ дядя мой *Товій*, вставши часомъ раньше обыкновеннаго, вошелъ къ Порупчику въ горницу, и безъ всякаго предисловія и оговорки сѣлъ на стулъ возлѣ кровати, и не уважая никакихъ модъ и обычаевъ, отдернулъ занавѣсъ, какъ водится у спарыхъ пріятелей и своихъ брашьевъ, Офицеровъ, и спросилъ его, каковъ онъ? . . . какъ провелъ ночь? . . . какая у него болѣзнь? . . . гдѣ чувствуетъ онъ боль? . . . Какъ бы эшо сдѣлать, чшобъ ему помочь? — и

не давъ ему времени отвѣчать ни на одинъ изъ вопросовъ, онъ сообщилъ ему свой планъ, о которомъ держалъ совѣтъ съ Капраломъ на канунѣ. —

Вы переѣдете прямо въ мой домъ, *Лефевръ!* сказалъ дядя мой *Товій* — мы пошлемъ за Докторомъ, чтобъ посмотрѣлъ, что у васъ за болѣзнь; — возьмемъ изъ Аптеки лѣкарства, — а Капралъ спанешъ ходишь за вами, и я самъ буду вамъ прислуживать, *Лефевръ* . . .

Дядя мой *Товій* имѣлъ нѣкоторую такую опкровенность, которая, не будучи однакожъ *слидствіемъ* короткаго обхожденія, но его *причиною*, съ перваго взгляду провожала каждого до самой его души и являла всю доброту его сердца; къ тому же было у него въ глазахъ, въ голосѣ, въ поступкахъ, нѣчто такое, что всегда влекло несчастныхъ прибѣгать подъ его покровительство. Такъ и здѣсь. Еще онъ не успѣлъ и въ половину

кончишь предлагашь свои услуги опцу, какъ сынъ нечувствительно прижался къ самымъ его колѣнямъ, и взявъ тихонько за кафшанъ, припягивалъ его къ себѣ. Кровь и жизненные соки *Ледневровы*, охладѣвшіе, и уже репирующіеся къ послѣдней своей цитадели, къ сердцу — оживотворидись; — помножь оспавила на минушу его зрѣніе... онъ поднялъ глаза свои исполненные чувства и нѣжности на дядю моего *Тосія*; — отъ него простеръ онъ пошъ же самый взоръ на сына; — и связь сія, какъ ни тонка она, оспалась навсегда неразрывною.

Природа вдругъ оянь вступила въ свои предѣлы — слабость возвратилась на свое мѣсто — пульсъ мѣшался — оспанавливался — продолжалъ — бился — замолкъ — оянь двинулся — спалъ... Продолжиль ли мѣ? ... Нѣшъ! —

Вошъ все, что нужно еще прибавишь:

Дядя мой *Товий*, держа за руку молодого *Лефевра*, провожалъ шло бѣднаго *Порущика* до могилы.

Когда дядя мой *Товий* все, что было у *Порущика*, перевелъ на деньги, и раздѣлался по счету — между полковымъ *Комисаромъ* и *Лефевромъ*, и между *Лефевромъ* и родомъ *человѣческимъ*: — тогда въ рукахъ его ничего не осталось, кромѣ стараго мундира да шпаги. — Не трудно по сему догадаться, что нашлось мало, или совсѣмъ никого, кто бы хотѣлъ вмѣшаться въ распоряженіе наслѣдствомъ. — Дядя мой *Товий* ошдѣлъ мундиръ *Капралу*. — „Носи его, *Триль*,“ сказалъ дядя мой *Товий*, до шѣхъ поръ, пока онъ еще держишься, въ память бѣднаго *Порущика*. — А это, *Лефевръ*, обратилъ къ нему рѣчь дядя мой *Товий* взявъ шпагу въ руки, и вынувъ ее при сихъ словахъ изъ ноженъ — это, *Лефевръ*, я зберегу для тебя. — Воишь все богатство, продолжалъ дядя мой *Товий*, повѣсивъ шпагу на гвоздь и указывая на нее паль-

цомъ; — Вошъ все богащство, любезный мой *Лефевръ*, оставленное тебѣ Провидѣніемъ. — — Но ежели тебѣ дано сердце, чшобѣ очистишь себѣ ея путь въ свѣтѣ — и ты здѣлаешь это какъ человекъ знающій честь свою — — о! — этого съ насѣ и довольно . . .

Какъ скоро дядя мой *Говій* положилъ нѣкоторое основаніе, то и опослалъ *Лефевра* въ публичное Училище, гдѣ, выключая Рождество Христово и свѣтлый Праздникъ, въ которое время Капралъ со всею почтностію посыланъ былъ брать его домой — онъ пробылъ до весны семнадцатаго года своего возраста. — Извѣстіе, что Императоръ послалъ войска свои въ Венгрію противъ Турокъ, зажгло искру въ груди его . . . онъ оставилъ свой Греческой и Латинской языкъ безъ позволенія — и бросившись на колѣни предъ дядею моимъ *Говіемъ*, просилъ, чшобѣ онъ опдалъ ему шпагу его опца, и благословилъ бы его бхашъ испытать своего щасія подѣ командою

Принца Евгенія. — Два раза дядя мой *Товій*, забывши свою рану, вскричалъ: *Лефевръ!* я ъду съ тобою; ты будешь сражаться возлѣ меня! — — и два раза прикладывалъ руку въ бѣдру, и потуплялъ голову съ печальнымъ видомъ и недовольнымъ. —

Дядя мой *Товій* снялъ шпагу съ гвоздя, до которой никто не допругивался съ тѣхъ поръ, какъ она повѣшена была на стѣнѣ послѣ смерти Порупчика, отдалъ ее Капралу вычислитель, и удержавъ *Лефевра* не больше двухъ недѣль для обмундировки и для снабженія всѣмъ нужнымъ на проѣздъ до *Ливорни*, онъ отдалъ шпагу въ собственныя его руки. — „Когда ты храбръ, *Лефевръ*, сказалъ дядя мой *Товій*, она тебѣ не измѣнитъ! — но щастіе, продолжалъ онъ (нѣсколько призадумавшись) щастіе можетъ тебѣ ... ну!... а ежели оно измѣнитъ, прибавилъ дядя мой *Товій* сбнявъ его, въ возвращайся ко мнѣ, *Лефевръ!* я тебѣ сыщу другую дорогу.

Величайшая обида не могла бы обременить столько сердца *Лефеврова*, какъ опеческая милость дяди моего *Товія*. . . Онъ распался съ дядею моимъ *Товіемъ*, какъ самый лучший сынъ съ самымъ лучшимъ ошцомъ. Оба проливали слезы, и дядя мой *Товій* въ послѣдній разъ поцѣловавъ его, всунулъ ему въ руку шестидесятъ гиней, завязанныхъ въ старомъ кошелькѣ его ошца, съ кольцомъ его машери — и препоручилъ его Богу. — —

Лефевръ прибылъ въ Императорскую армію въ самое то время, въ которое могъ испытать, какого мешалла его шпага: — онъ поспѣлъ на разбиіе Турокъ подъ Бѣлградомъ. — Но цѣлая толпа незаслуженныхъ несчастій преслѣдовала его вездѣ съ той минушы въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. — Прошивъ ихъ жестокостямъ до самой крайности, наконецъ онъ заболѣлъ въ *Марсели*, откуда и писалъ къ дядѣ моему *Товію*, что онъ потерялъ свое время, свою службу, свое

здоровье, словомъ, все кромѣ своей шпаги, и что онъ ожидаетъ перваго корабля, чтобъ въ нему возвратишься. —

Лесевра съ часу на часъ ожидали, и дядя мой *Товій* занимался имъ наиболѣе въ то время, какъ бапюшка описывалъ ему и *Торикку*, какого бы человекъ желалъ онъ мнѣ въ учителя. — Но какъ первыя преребанія совершенствъ показались дядѣ моему *Товію* нѣскольکو мечпашельны, то онъ и не хотѣлъ упоминашь объ имени *Лесевра* — пока *Торикового* прибавкою не довершенъ неожиданно характеръ, чтобъ онъ былъ кропковъ, умбренъ, шихъ и добръ. — Образъ *Лесевровъ* и участие въ немъ, споль живо напечатлѣлись въ мысляхъ дяди моего *Товія*, что онъ въ ту минушу приподнялся со спула, и положивъ шрубку, чтобъ взять бапюшку за обѣ руки — Позволь мнѣ, братецъ *Шенди*! сказалъ онъ, рекомендовать тебѣ сына бѣднаго *Лесевра*. — Я васъ умоляю, примите его! при-

молвилъ *Торикъ*. — У него доброе сердце, сказалъ дядя мой *Товій*. — И храброе при томъ, Ваше Благородіе, прибавилъ Капраль. —

Самыя лучшія сердца, *Тримъ*, они-то всегда и самыя храбрыя! ошвѣчалъ дядя мой *Товій*.

Трисирамъ Шенди, Томъ III. гл. 49.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Пятой Части.

	Стран.
1 Осмнадцатый вѣкъ. - -	3
2 Чшо мнѣ дѣлать? - -	8
3 Божество. - -	14
4 Везуміе отчаянїя. - -	17
5 Явленіе Минервы. - -	31
6 Свѣтское обращеніе. - -	44
7 Отвѣтъ. - -	63
8 Надгробная надпись. - -	64
9 Ралунки. - -	65
10 Роши осенью. - -	77
11 Путешествіе во внутренность Африки. - -	94
12 Симпанія. - -	101
13 Дружбѣ. - -	106
14 Защищеніе изящныхъ Наукъ. - -	113
15 Другу души моей. - -	127
16 Любовь гонимая клеветою. - -	129
17 Елена на снѣгахъ Троянскихъ. - -	137
18 Ода. - -	152
19 Первые мысли въ день Нового 1800 году. - -	160

		Стран.
20	Чувство разлуки. -	- 161
21	Ода къ Добродѣтели. -	- 164
22	Безмертїе. -	- 176
23	Сельской праздникъ. -	- 177
24	Къ ИгеѢ. -	- 190
25	Отъ пишомцевъ Коммерческаго Училища. - -	- 191
26	Красоты Сперна. Учитель. -	- 193
	Повѣсть объ ЛефеврѢ,	- 196
27	Опцеубійца. -	- 225
28	Опрывокъ. - -	- 231
29	Скокойспвїе. -	- 238
28	Педантизмъ. - -	- 241
29	Заговѣнье. - - -	- 245
30	Жалоба моего сердца. -	- 248
31	Война и миръ. -	- 250
32	Ожиданіе вѣспей. -	- 253
33	Романсъ. - -	- 255
34	О высокоси мысли у Священныхъ Пѣснопѣвцовъ. -	- 257
35	Лина. - -	- 279
36	Къ ней. - -	- 286
47	Материнская любовь. -	- 289
48	Къ Философу горы Алаунской. -	- 293
49	Надежда. - -	- 297
50	Къ Анакреону. - -	- 300
51	Пѣсня Москимъ дѣвицамъ. -	- 303
52	Ришогаръ и Ванда. -	- 305
53	Совѣсть. - -	- 305
54	Эпистола отъ Элоизы къ Абельярдю.	337

О г л а в л е н і е.

415

	Стран.
55 Справное наказаніе супружеской невѣрности. -	- 358
56 Портретъ Эгоиста. -	- 367
57 Опасности морскаго сраженія. -	- 374
58 Прогулка. -	- 376
59 Къ Бериндѣ. -	- 381
60 Жизнь человѣческая. -	- 385
61 Видѣніе Мирзы -	- 401

